

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.224

DOI 10.17223/18137083/86/1

Первая запись якутского эпоса в контексте традиции

Семен Семенович Макаров

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

others3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5751-5967>

Аннотация

Исследуется первая запись якутского героического эпоса, выполненная А. Ф. Миддендорфом в 1840-е гг. от анонимного сказителя и ставшая известной под названием «Эриэдэл Бэргэн», в аспекте ее локальной атрибуции. В работе привлекается репрезентативный материал из записей текстов якутского эпоса, а также других жанров повествовательного фольклора народов Сибири (якутские, русские, эвенкийские сказочные и мифологические сюжеты). Структурные и семантические признаки текста позволяют установить его близость к данным центрально-якутской эпической традиции, в частности к вариантам, записанным позднее в окрестностях Амгинской слободы, Мегино-Кангаласского и Ботурусского улусов. Выявлены некоторые локально-специфичные мотивы и «общие места» якутского героического эпоса, апробированы принципы их дифференциации и исследования. Присутствующий в тексте олонхо международный сюжет о подмененной невесте выглядит ранним заимствованием скорее из эвенкийской традиции, нежели из русского сказочного фольклора.

Ключевые слова

героический эпос, якутский фольклор, собрание фольклора, олонхо, народы Сибири, Эриэдэл Бэргэн, А. Ф. Миддендорф

Для цитирования

Макаров С. С. Первая запись якутского эпоса в контексте традиции // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 9–22. DOI 10.17223/18137083/86/1

© Макаров С. С., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 9–22
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 1, pp. 9–22

The first record of the Yakut epic in the context of folklore tradition

Semen S. Makarov

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

others3@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5751-5967>

Abstract

The paper considers the first text of the Yakut heroic epic, recorded by A. Middendorf in the 1840s from an anonymous storyteller, later known as “Eriedel Bergen.” An attempt is made to determine the specific features of the text in terms of its local attribution. The study also provides an opportunity to discuss concrete historical and methodological observations. For a more comprehensive analysis, the author has used a representative sampling of records of the Yakut epic and other genres of narrative folklore of the peoples of Siberia, including Yakut, Russian, and Evenki fairy tales and mythological stories. The structural and semantic features of the recording were revealed that demonstrate the similarity to the texts of the Central Yakut epic tradition, in particular, to the variants recorded later near the Amginskaya Sloboda, Megino-Kangalassky, and Boturussky uluses of Yakutia. The analysis has identified some locally specific motifs and “common places” of the Yakut heroic epic, with the principles of their differentiation and study tested. It is suggested that the traditional international plot about the swapped bride, present in the text of the olonkho, appears to have originated from Evenk folklore rather than Russian fairy tales. A conclusion is made that the local specificity in Yakut epic tales is primarily evident in the specific motifs of the “exterior” plan while having a minimal effect on the core plot elements that remain broadly consistent across the genre’s various “dialect” versions. It would be considerably valuable in the future to map or catalog them.

Keywords

heroic epic, Yakut folklore, collecting of folklore, Olonkho, peoples of Siberia, Eriedel Bergen, Alexander von Middendorff

For citation

Makarov S. S. The first record of the Yakut epic in the context of folklore tradition. *Siberian Journal of Philology*, 2024, no. 1, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/86/1

Введение

Эпический сюжет о богатыре Эриэдэл Бэргэне известен как самая ранняя запись якутского героического эпоса (Миддендорф, 1878, с. 808–819) и именно в этом качестве чаще упоминается в литературе. В то же время содержательные и структурные особенности самого текста все еще не получили подробного рассмотрения. В изучении этого знаменательного источника по якутскому фольклору остаются лакуны, относящиеся к истории его фиксации, связям сюжета с локальными повествовательными традициями. Цель настоящей статьи состоит в попытке исследования этого источника в контексте имеющихся записей якутского эпоса и определения специфичных черт текста, информативных в аспекте его территориальной атрибуции. Попутно мы коснемся вопросов об ареальном распределении некоторых мотивов и образов якутского эпического и сказочного фольклора, а также о взаимных внутренних связях повествовательных традиций народов Восточной Сибири.

Материалом исследования послужили более шестидесяти текстов олонхо, зафиксированных в разное время в различных районах якутской традиции, а также записи мифологической и сказочной прозы народов Якутии. Определенные сведения были также извлечены из научных изложений сюжетов олонхо, полные тексты многих из которых еще не опубликованы [Емельянов, 1980].

Из истории записи и публикации источника

Записанный Миддендорфом текст представляет собой довольно характерный сюжет якутского эпоса, повествующий о путешествии героя-богатыря, преодолевающего в пути разнообразные препятствия физического и магического плана и обретающего в конце предназначенную ему невесту.

Насколько можно судить, запись была сделана незапланированно в условиях исследовательской поездки, предположительно, весной 1844 г. Существует мнение о том, что записи фольклора велись Миддендорфом непосредственно в Якутске [Мостахов, 1982, с. 120]¹. Вероятно, это верно в отношении образцов хорошевых и некоторых иных песен, имеющихся в коллекции собирателя. В то же время представляется, что это не относится к тексту рассматриваемого олонхо, равно как и к примерам некоторых обрядовых инвокаций. Сам собиратель замечает, что записи фольклора ему подчас приходилось вести «в неблагоприятных условиях», «в первобытном лесу», что он услышал приводимое сказание «в шалаше» (Миддендорф, 1878, с. 808).

Подготовленная Миддендорфом публикация текста имеет своеобразную структуру. Часть сказания была транскрибирована и опубликована собирателем на якутском языке (в доступной ему мере) с подстрочным переводом на немецкий и русский (в разных версиях работы). Она содержит в изложении Миддендорфа 349 слов, в расшифровке, данной чуть позже Э. К. Пекарским (учитывая предложенные им написания и вставки), – 349 слов (Эриэдэл Бэргэн, 1911, с. 473–474)². Этот фрагмент текста представляет собой типичное для якутского эпоса вступление, содержащее описание страны героя, его жилища и имущества, а также один из вариантов «завязки» действия. Остальная часть текста (все основное действие сюжета) была приведена собирателем в пересказе на немецком и русском языках. Эта часть текста не воспроизводилась в последующем в печати и содержит в русском варианте 1 095 слов. Миддендорф также снабдил публикацию «сборником слов» – своеобразным конкордансом из 203 выражений, встречающихся в записанном им тексте (Миддендорф, 1878, с. 813–818).

Следует полагать, изначально объем записанного оригинального текста был больше, чем в публикации. У нас нет возможности проверить это предположение, так как местонахождение полевых материалов Миддендорфа на сегодняшний день неизвестно. Сведения о них были утрачены еще в начале прошлого века [Пекарский, 1908, с. 047], не обнаруживаются прямых ссылок на них и в публикациях советского периода, нет уверенности в том, что они все еще существуют. Высказывалось мнение, согласно которому экспедиционные записи ученого могли храниться в последние годы его жизни среди материалов семейного архива Миддендорфов в Эстляндской губернии (ныне – Эстония) [Там же, с. 047–048]. Ин-

¹ См. также: YakutskHistory – Миддендорф А. Ф. URL: <http://www.yakutskhistory.net/наука/миддендорф/> (дата обращения 27.11.2022).

² Написания через дефис считались нами как единые слова.

формантом Миддендорфа, рассказавшим ему олонхо, иногда указывается сказитель К. Слепцов из Западно-Кангаласского (ныне – Хангаласского) улуса [Библиография олонхо, 1982, с. 11], что, однако, является ошибкой.

Таким образом, исходные сведения о записи весьма скудны: мы можем установить лишь некоторые обстоятельства и примерную дату осуществления записи. В то же время исследовательский маршрут ученого периода его работы в Сибири довольно подробно изучен.

Миддендорф прибыл на п-ов Таймыр в марте 1843 г. вместе со специалистом по геодезии В. В. Вагановым и другими членами экспедиции: «Он прошел по низким тундрам полуострова от Дудинки, через верховья реки Пясины к Хатанге, затем пересек полуостров по меридиану по реке Верхняя Таймыра, озеру и реке Нижняя Таймыра... Уже в феврале – марте 1844 года ученые проводят наблюдения над вечной мерзлотой в Якутске и его окрестностях. Отсюда экспедиция направилась через Амгу, долину реки Алдан и хребет Джугджур, к становищу Удское и Шантарским островам. Осенью и зимой 1844–1845 годов Миддендорф исследовал бассейн Зеи, а затем долину Амура и вернулся в Иркутск» [Лебедев, Есаков, 1971, с. 366–367].

Из числа местного населения в экспедиции из Якутска до Шантарских островов Миддендорфа сопровождали два казака и два якута [Явловский, 2004, с. 53], служившие, очевидно, проводниками и переводчиками. Без их помощи, судя по всему, тексты на местном языке не могли бы быть записаны и переведены. Этот факт может служить объективным обстоятельством, ограничивающим регион наших поисков, несмотря на то, что сам собиратель впоследствии отмечал, что «якутов встречал как на глубоком Севере Таймырского края, так и на отдаленнейшем юго-востоке Сибири, даже на Амуре, область которого в то время принадлежала Китайской империи» (Миддендорф, 1878, с. 758).

Параллели сюжетных элементов

Сюжет рассматриваемого олонхо можно условно представить как единство четырех смысловых звеньев: «Начальное вредительство и отправление в путь», «Приключения героя в пути (встреча с препятствиями)», «Прибытие в мир других людей. Испытание героя», «Женитьба героя на подмененной невесте и последующее разоблачение обмана». Каждая из этих частей находит более или менее точные соответствия в текстах других олонхо. Абсолютных совпадений в отношении целого сюжета мы не обнаружили (впрочем, это было бы редким явлением для устной традиции), однако весьма близкие соответствия находятся в самозаписи, оставленной чиновником и любителем устной традиции, автором одних из первых дошедших до нас письменных очерковых и фольклорных текстов на якутском языке А. Я. Уваровским [Böhlingk, 1851, S. 79–95]. Помимо общей сюжетной канвы, повествующей о богатыре-одиночке, не знающем своего происхождения, но обретающем в конце семью и окружение, очевидную схожесть обнаруживают сцены седлания коня и сборов героя в поход, преодоления им препятствия в пути (горы, в которой проделывается ущелье). Заметную роль в обоих сюжетах играет и старуха *симэхсін*³, прислуживающая, согласно текстам, в доме родителей будущей невесты богатыря. Все это наталкивает на мысль о том, что эти сюжеты, вероятно, восходят к общей традиции, точнее, к одному прототипу-

³ Значение слова связывают с др.-тюрк. **jumyshchi* ‘работник, слуга’ (БТСЯЯ, с. 409).

анту. Определенная трудность состоит в том, что текст Уваровского не удается достаточно надежно локализовать⁴.

Весьма близкие параллели ко второму сюжетному ходу (история о подмененной невесте) обнаруживаются на довольно отдаленной периферии якутской эпической традиции – в олонхо эссеистских якутов (Красноярский край) (см. «Хотой Бэгё», «Ини бии» (Хотугу..., 2019, с. 87–88, 212–235)). Рассмотрение этих записей отсылает нас к малоисследованной еще проблеме взаимодействия различных фольклорных традиций в регионе. Остановимся на дистрибуции связанных с названным сюжетом мотивов несколько подробнее.

История о соперничестве старухи-служанки с юной красавицей, которая в повествовательном плане несет в себе главную ценность эпического мира – возможность продолжения рода, выглядит вполне закономерным шагом в развитии сюжетного разнообразия олонхо. Излишне говорить о том, что типологически повествования о противостоянии пожилой (мачехи, свекрови и т. д.) и молодой женщин являются частотными и популярными во всем мировом фольклоре. В системе персонажей якутского эпоса молодая девушка (*куо*), невеста героя, и старуха-скотница *симэхсин* занимают полярные позиции⁵. Уже само это соотношение образов, кажется, несет в себе соответствующий сюжетопорождающий потенциал. В то же время сюжеты о противоборстве невесты и служанки за внимание жениха в якутском фольклоре исторически, по-видимому, являются заимствованными.

В олонхо, записанном Миддендорфом, старуха запугивает домочадцев рассказом о якобы встреченном ею грозном исполине, приехавшем сватать дочь хозяев и, вероятно, убивать остальных людей. Она устраняет (делает невидимой) подлинную невесту до того, как ее увидит жених. Следующим шагом коммуникативного «трюка» старухи становится собственно подмена, включающая перемену облика и последующий брак мнимой невесты с богатырем. Примечательно, что своеобразным фольклорным «фоном» этого сюжета выступают проникшие в якутский фольклор из русской традиции международные сказочные типы АТУ 403, в якутской версии – «Царь Кёх» («Күөх ыраахтаабы») ⁶, АТУ 404 – «Де-

⁴ Известно, что детство Уваровского до достижения им 5 лет прошло в Жиганске, расположенном на севере Якутии. В последующем он жил и работал преимущественно в Якутске, но также совершал много поездок по области. В связи с этим отнесение его «Олонхо» к конкретной локальной традиции якутского эпоса представляет определенную трудность.

⁵ Совпадая по гендерному признаку, они, однако, разведены по другим характеристикам. *Симэхсин* олицетворяет собой отжившее, но в то же время вечное (заметим, в целом ряде вариантов она лишена смерти) женское начало в его хозяйственно-бытовой ипостаси. Погруженная в нескончаемую грязную рутину в хлеву и на подворье, она фактически являет собой домашнего «духа» и еще и в этом качестве противостоит невесте как агенту, убавляющему благосостояние родительского дома. В своей маргинальности, приниженности практически до животного состояния (она входит в юрту через «собачий» вход, спит в ногах у хозяев, подбирает с пола непотребные остатки еды, оборачивается паршивым теленком, мышью и др.), *симэхсин* оттеняет чистоту, статусность и молодость эпической красавицы.

⁶ Служанка во время поездки отравляет царевну и выковыривает ее глаза. Зап. в 1957 г. от А. И. Слепцова, с. Улахан-Чистай, Момского района Якутии (Якутские сказки, 1967, с. 201–202).

вушка-мотылек» («Үрүмэччи Куо») ⁷ и АТУ 407 – «Старуха Бэйбэрикээн с пятью коровами» («Биэс ынахтаах Бэйбэрикээн эмээхсин») ⁸, также содержащие комплекс мотивов с ложной невестой. Вероятно, они уже бытовали в якутском фольклоре на момент осуществления первой записи олонхо. Однако непосредственно сюжет о подмене девушки-невесты ее служанкой, как кажется, является более ранним заимствованием из эвенкийской традиции. Весьма схожие сюжеты в первой половине XX в. были записаны Г. М. Василевич среди дальневосточных и алдано-зейских эвенков (см. (Сборник..., 1936, с. 165–166; ИФЭ, 1966, с. 260–263)). В эвенкийских текстах обращает на себя внимание характерная лапидарность стиля, свойственная архаической мифологической прозе, в них также присутствует явный этиологический заряд, утраченный в якутских адаптациях. В последних, в свою очередь, акцент несколько смещается с содержания событий на повествовательный план – появляется композиционная градация, организуемая нарративной моделью с троекратным повторением (дух настоящей невесты три ночи стучится в жилище новобрачных (запись Миддендорфа); герой, вероятно, три раза спрашивает невесту-служанку о несовершенствах ее кожи – та отвечает, что это ссадины от металлических украшений и т. д. (мотив узнавания, растянутого во времени, см. ессейские тексты)). С предполагаемым источником заимствования якутские варианты роднит способ наказания ложной невесты – после разоблачения обмана ей отрывают голову. Заметим, что при этом в обеих версиях отсутствует мотив наказания ложной жены через разрывание лошадыми и превращения ее останков в некоторые неприглядные растения или мелких гадов (Березк. К. 32G), имеющийся в сказочных текстах (Якутские сказки, 1964, с. 175, 194). Эти признаки указывают на то, что сюжеты о браке с обманной невестой в якутском эпосе и сказках, довольно близкие в структурном отношении, могли быть результатом независимых случаев заимствования, имевших источниками различные этнические традиции.

В целом эпизоды с участием *симэхсин* в традиции олонхо были известны в довольно широком ареале. Как правило, старуха-служанка первой встречает героя в стране других людей, пугается его вида, ареалом активного бытования этого мотива представляется центральная Якутия. Впрочем, зафиксирован он и в вилюйской группе улусов и прилегающих к ней районах. В одном из вариантов *симэхсин*, например, вспоминает о своей молодости и высказывает желание выйти замуж (Кулдус Бөбө, 2009, стк. 4060–4117); в этом ареале традиции она также нередко подсказывает хозяевам способ испытания героя с использованием камня-валуна у входа в жилище, который при положительном исходе должен расколоться под богатырем (см., например: (Тон Саар..., 2004, стк. 1595–1870)); встречается образ *симэхсин* в вариантах эпоса и на северо-востоке, и в южных районах Якутии.

Информативным в исследовании «диалектной» специфики текста в записи Миддендорфа выглядит и другой содержащийся в нем сюжетный элемент – вариант реализации «вредительства», когда страну героя внезапно (обычно утром или

⁷ Дочь мачехи переодевается в одежду сводной сестры и выходит замуж за охотника. Зап. в 1940 г. от М. Е. Порядиной, 1 Морукский нас. Мегино-Кангаласского района (Якутские сказки, 1967, с. 218–219).

⁸ Жених отлучается в пути. Демоница убивает невесту и принимает ее облик. Сюжет содержит мотивы: Березк. К. 32А, К. 32G. Зап. в 1937 г. от М. П. Дмитриева, 4 Мальдгарский нас. Орджоникидзевского района (ныне – Хангаласского улуса Якутии) (Якутские сказки, 1964, с. 156–166).

днем, т. е. в «зените» благоденствия) посещает представитель враждебного мира. Подобные сюжеты были записаны в разное время в центральной Якутии. В олонхо «Эриэдэл Бэргэн» запись аналогичного фрагмента несколько неполная: не удастся вполне восстановить, кем является посещающий страну героя персонаж, кому принадлежит убиваемый и приносимый в дальнейшем в жертву скот, что конкретно побуждает богатыря отправляться в путь и т. д. (см. (Миддендорф, 1878, с. 810–811)), однако сам характерный мотив, реализующий подобную «завязку» повествования, определяется достаточно надежно, что приближает нас к ответу на рассматриваемый вопрос.

Особенности формульного языка

Несколько более детальную атрибуцию текста позволяет провести анализ стилистических оборотов, встречающихся в записи. Мы исходим из довольно очевидного предположения, что речевые формы, на которые опирается сказитель в процессе устного рассказывания, в целом всегда являются более консервативной частью традиции, нежели сюжетно-мотивное наполнение вариантов.

В ходе анализа текст был разбит на 61 отдельный фрагмент, представляющий собой либо номинативный комплекс (словосочетания из имени и определения разной степени распространенности) (35 ед.), либо фразовое единство (21 ед.). Некоторый объем материала заняли также неполные (дефектные в письменной передаче) предикативные выражения (6 ед.) и сравнения, употребляющиеся вне связанных словесных групп (3 ед.). Многие составляющие текст выражения имеют традиционный характер. Не находят буквальных соответствий в других записях олонхо лишь 13 выражений из фрагмента текста на якутском языке.

Для того чтобы увеличить число сравниваемых единиц и, соответственно, несколько повысить показательность исследования, мы предприняли реконструкцию исходного вида выражений из части текста, данной в русском пересказе. С некоторой долей достоверности это удалось сделать для 10 выражений, среди них 2 номинативных сочетания, 7 полных фраз и 1 сравнительный оборот; три выражения в полученных списках повторяются дважды⁹.

Можно было ожидать, что большее единообразие в традиции будет наблюдаться в среде элементарных номинативных сочетаний – имен устойчивых элементов жанровой картины мира. Однако в действительности мы видим довольно широкую представленность в разных ареалах и более сложных конструкций, выражающих характерные эпические мотивы.

Большинство этих выражений, по нашим наблюдениям, локализуется в центральной части Якутии, точнее, в правобережье Лены, в так называемом Лено-Амгинском междуречье, одном из мест исторического расселения якутов. Локально-специфичными предстают, например, некоторые выражения зачина. Рассмотрим фразу *сиртэн тутулуктаах, халлаантан ситимнээх* (Миддендорф, 1878, с. 808–809) / ‘с опорой на земле [и] с связью с небом’ (говорится о герое)¹⁰. «Негативная» форма этого выражения – *халлаантан ситимэ суох, сиртэн тутулуга суох* / ‘не имеющий связи с небом [и] опоры на земле’ – обнаруживается

⁹ Имеется в виду выражение *барбыт кыһынын кырыатынан билэн, сайынын самгырынан билэн* / ‘поехал [герой], узнавая зиму по инею, а лето – по дождям’.

¹⁰ Здесь и далее перевод наш. – С. М.

в тексте олонхо М. Н. Андросовой-Ионовой «Потомки Юрюнг Айыы Тойона» (Ботурусский улус, 1890-е гг.) (Үрүн Айыы..., 1911, с. 404).

Дальнейшее рассмотрение подтверждает связь исследуемой записи с традициями этого же региона. Об изгородях и стойле на подворье героя говорится: *былыттан быһа сүүрэн киирбит быыстаах... Күннээх халлаантан хайа сүүрбүтүн курдук хаһаалаах...* (Миддендорф, 1878, с. 808–809) / ‘с изгородью, [будто] спустившейся прямо с облака... со стойлом, будто спустившимся прямо с солнечного неба’. Это «общее место», судя по другим записям олонхо, достаточно четко локализуется в том же регионе Якутии, ср.: (Өлүү Үөдүлбэ, 1911, с. 443; Кулун Куллустуур, 1985, стк. 243–248; Дыырай Бэргэн, 2009, с. 40) и др.

О подворье героя в тексте Миддендорфа говорится: *хомурах хоммотоох тусаһалаах* / ‘с двором, на котором не появлялись (букв. ‘не ночевали’) сугробы’ – два случая соответствия в нашей выборке: (Нюргун Боотур..., 1947, с. 110; Кулун Куллустуур, 1985, стк. 6727–6729).

Подобные выражения встречаются и среди кратких номинативных сочетаний. Обратим в этом плане внимание на выражения: *сулумах ох* (Миддендорф, 1878, с. 811) / ‘стрела с обыкновенным железным острием’ (Пек., стб. 2333), букв. ‘легкая стрела’ – находит соответствия в (Кыыс Дэбилийэ, 1993, с. 242); *сэттэ сиичтээх* [сэттэ сииктээх?] *сири иһит* (Миддендорф, 1878, с. 811) / ‘кожаный сосуд’ *сири исит* с семью швами’ – ср.: *сэттэлиһи сиринэн сииктээх... сэттэ сири иһит* / ‘семь [сосудов] *сири исит* со швами в семи местах’ (Күлкүл Бөҕө, 1909, с. 260), *сэттэ сиринэн салбааһыннаах симэхтээх сири иһит* / ‘украшенный [сосуд] *сири исит* с соединениями [кожи] в семи местах’ (Элик Боотур, 1910, с. 313); *мангайкаан аллаах* / ‘шустряк, пострел’ (вероятно, диал.). Последние примеры, по нашим данным, также были зафиксированы только в бывшем Ботурусском улусе.

В центральных районах Якутии (включая право- и левобережье Лены) были зафиксированы также определение *алла-булла* / ‘пышный, толстый (?)’ – всегда применительно к богатырскому коню: *атах* / ‘нога’ (Элик Боотур, 1910, с. 350), *кутурук* / ‘хвост’ (Ала Булкун, 1994, стк. 5318–5319; Мүгүлү Бөҕө, 2010, стк. 1572–1573), сравнение (*араҕас*) *алаас сьһыы саҕа* / ‘размером с (желтую) поляну’ – об обеденном столе (*остуол, далбар*) (Өлбөт Бэргэн, 1908, с. 116; Элик Боотур, 1910, с. 312; Оҕо Тулаайах, 1911, с. 439) (последний текст записан в Намском улусе), а также выражение ‘с *бар*-зверем у [верхушки] главной коновязи, с кукушкой у [верхушки] средней коновязи’ / *бастын сэргэтигэр бар кыыллаах, орто сэргэтигэр кэбэ кыыллаах*, описывающее подворье героя, варианты обнаруживаются в: (Кулун Куллустуур, 1985, стк. 234–239; Дыырай Бэргэн, 2009, с. 41; Төрүөт Бэргэн, 2013, стк. 127–135) и др.

Отдельно следует отметить характерную вербализацию некоторых мотивов из части текста в русском пересказе. В теме, описывающей мир других людей, говорится о том, что в изобильной стране, куда приехал герой в поисках невесты, «у телят и жеребят были золотые и серебряные намордники» (Миддендорф, 1878, с. 812). Это выражение, обозначающее весьма яркий, но частный мотив, можно было бы считать уникальным, своего рода *һарах legomenon*, но оно, однако, находит соответствия в текстах, записанных в 1880-е гг. от сказителя из бывшего Ботурусского улуса Н. А. Абрамова-Кыната. В олонхо «Шаманки Уолумар и Айгыр», в частности, находим: *...көмүс үрүүлээх көңүл үөскээбит, алтан томторуктаах... барбарбыт* (Удаҕаттар, 1908, с. 171) / ‘обладающие серебряными намордниками свободно [здесь] размножились, обладающие медными на-

мордниками... [здесь] выросли'¹¹. Примечательно, что среди исполняемых им олонхо, согласно данным анкеты, также значится сюжет «Эриэдэл Мэргэн», однако, насколько известно, текст не был записан. В целом следует признать, что именные формулы, встречающиеся в записи Миддендорфа, не являются достаточно показательными в плане исследуемого нами вопроса. Например, имя героя Эриэдэл Бэргэн часто своеобразно коррелирует в олонхо с богатырским именем Эр Соготох, встречающимся в довольно широком ареале (см. [Анисимов, 2016, с. 77–78]).

В качестве другого ареально ограниченного «общего места» может быть рассмотрено выражение «[Герой] злобно ходил туда и сюда и от гнева проваливался в землю по колена...» (Миддендорф, 1878, с. 813). Оригинальный текст реконструируется, приблизительно, как: *тон сири тобугар дылы тобулута түстэ, ириэнэх сири иэччэбэр дылы ибилитэ түстэ*. В традиции это выражение более характерно для типических сцен, гиперболизированно описывающих бег богатырского коня. В данном случае, вероятно, имеет место актуализация изначального смысла: выражение стало вполне органично использоваться для описания богатырского гнева. Этот частный переход произошел, судя по имеющимся материалам, в районе бывшей Амгинской слободы – единственное совпадение обнаруживается в олонхо У. Г. Нохсорова (Дыырай Бэргэн, 2009, с. 61–62). В этой же записи находит соответствие фраза из текста Миддендорфа «[богатырь] выдавил при этом [при внезапном выходе из жилища] половину юртовой стены» (Миддендорф, 1878, с. 815–816) – ср. *Киирбит аанын булар дьаабыта суох / Омуннаахтык кыыһырда, / Олорор сиринэн / Балабан ангаар эркинин / Тоҕо көтөн табыста* (Дыырай Бэргэн, 2009, с. 129) / «[Герой] вспыхнул от чрезмерной ярости [и], не найдя в спешке входной двери, прямо у места, где сидел, выскочил наружу, снеся при этом одну из стен юрты».

Отметим, наконец, схожую роль также комплементарного в сюжетном отношении мотива и «общего места» олонхо, в котором говорится о том, как «...от столба до постели разостлали ему [герою] рысьи шкуры с лапами и хвостами...» (Миддендорф, 1878, с. 817). Чаще определение «с лапами и хвостами» (т. е. цельная) в олонхо используется применительно к шкурам медведя или лошади. В целом эту деталь предметного мира эпоса следует «прочитывать» как элемент избытка: ходить по разостланным цельным шкурам или отдыхать на них – знак зажиточной жизни, а также почесть, оказываемая гостю в богатом доме. Оригинальный вид выражения помогают представить фрагменты: *Ситэн киллэрээри сэргэ төрдүттэн / Тангара мабанатыгар диэри / Тыстаах баттахтаах / Тиһэх эһэ тириитэ диэрэ дэпсэ олбох кээһэн...* (Бүдүрүйбэт, 2012, стк. 7824–7828) / «Намереваясь вести [гостя] под руки от основания коновязи до главного столба [юрты], разостлав настил из цельных шкур трехлетних медведей...»; *дьиэ ааныттан бастын оронго диэри тыстаах батахтаах манчык таба тириитин үттэл ууран биэрдилэр* (Элик Боотур, 1910, с. 356) / «от входной двери до почетной лавки положили настил из цельных шкур оленей-приманщиков». Большинство вариантов этого выражения было зафиксировано на территории современного Таттинского и Мегино-Кангаласского улусов («Үрүн Айыы Тойон ыччаттара», «Ньургун Бөбө» и др.), что позволяет также представить этот регион в целом «эндемичным» для него.

¹¹ См. также: (Өлбөт Бэргэн, 1908, с. 117).

Заключение

Итак, настоящее исследование, задуманное с целью определения возможной территории фиксации первой анонимной записи якутского эпоса, дает возможность обсудить наблюдения и конкретно-исторического, и методологического плана.

Проанализированные стилистические и сюжетные признаки олонхо «Эриэдэл Бэргэн» в записи А. Ф. Миддендорфа позволяют ограничить вероятное место его фиксации Лено-Амгинским междуречьем, территорией современного Мегино-Кангаласского, Амгинского и Татгинского улусов Якутии (частью центрально-якутской или приленской традиции олонхо), с более вероятной локализацией в окрестностях бывшей Амгинской слободы. Сюжетные соответствия, обнаруживаемые позднее в значительном отдалении от этого региона, на территории Красноярского края, вероятно, следует рассматривать как несвязанные случаи заимствования из эвенкийской традиции. Параллели в сказочном фольклоре выглядят независимыми фактами заимствования из русской традиции и, вероятно, не являются непосредственными прототипами для исследованного эпического сюжета.

В заключение заметим, что локальная специфичность в олонхо, по-видимому, проявляется в большей степени в мотивах-описаниях «экстерьерного» плана и в меньшей степени затрагивает узловые сюжетообразующие элементы, во многом единые для жанра в различных его «диалектных» изводах. Картографирование или иная их каталогизация может иметь большое научное значение в будущем.

Список литературы

Анисимов Р. Н. Сравнительный анализ эпических антропонимов Вилюйской традиции // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2016. № 4. С. 74–91.

Библиография олонхо: Методические рекомендации / Сост. Д. С. Макаров. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1982. 67 с.

Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. 375 с.

Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 года. М.: Мысль, 1971. 516 с.

Мостахов С. Е. Русские путешественники-исследователи Якутии: XVIII – нач. XX в. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1982. 191 с.

Пекарский Э. К. Миддендорф и его якутские тексты // Зап. Вост. отд-ния Императорского Русского археологического общества. СПб., 1908. Т. 18. С. 044–060.

Явловский П. П. Летопись города Якутска от основания до настоящего времени (1632–1914). Якутск: Якутский край, 2004. Т. 2: 1801–1914 гг. 352 с.

Список источников и словарей

Березк. – *Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (дата обращения 02.01.2023).

- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. Т. 8. 572 с.
- ИФЭ – Исторический фольклор эвенков. Сказания, предания / Зап., пер. и коммент. Г. М. Василевич. М.; Л.: Наука, 1966. 399 с.
- Миддендорф А. Ф.* Путешествие на север и восток Сибири. В 2 ч. СПб., 1878. Ч. 2, отд. 6: Север и восток Сибири в естественно-научном освещении. Коренные жители Сибири. IV. С. 571–833.
- Пек. – Словарь якутского языка / Сост. Э.К. Пекарский. 2-е изд. М.: Изд. АН СССР, 1958–1959. Т. 1–3. 3858 стб.
- Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г. М. Василевич; под ред. Я. П. Алькора. Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1936. Вып. 1. 290 с.
- Якутские сказки. В 2 т. / Подгот. Г. У. Эргис. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964. Т. 1. 304 с.; 1967. Т. 2. 281 с. (на якут. и рус. яз.)
- Ала Булкун: якутское олонхо / Т. В. Захаров. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994. 101 с. (на якут. яз.)
- Бүдүрэйбэт сүһүөхтээх Мүлдү Бөбө: олонхо / И. А. Николаев. Якутск: Бичик, 2012. 253 с. (на якут. яз.)
- Дьырай Бэргэн: олонхо / У. Г. Нохсоров. Якутск: Бичик, 2009. (на якут. яз.)
- Кулдус Бөбө: олонхо / И. М. Харитонов. Якутск: Бичик, 2009. 195 с. (на якут. яз.)
- Кулун Куллуустуур: олонхо / И. Г. Тимофеев-Теплоухов. Подгот. текста Э. К. Пекарский, Г. У. Эргис. М.: Наука, 1985. 605 с. (на якут. и рус. яз.)
- Күлкүл Бөбө оҕонньор Силирикээн эмээхсин икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1909. Ч. 1, вып. 3. С. 195–280. (на якут. яз.)
- Кыыс Дэбиллэйэ: олонхо / Н. П. Бурнашев. Новосибирск: Наука, 1993. 326 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока)
- Мүгүлү Бөбө: олонхо / Г. М. Тарасов // Горнай олонхолоро. Якутск: Бичик, 2010. С. 15–150. (на якут. яз.)
- Нюргун Боотур Стремительный: олонхо / К. Г. Оросин. Якутск: ЯкГИЗ, 1947. 410 с. (на якут. и рус. яз.)
- Оҕо Тулаайах: олонхо // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1911. Ч. 1, вып. 5. С. 427–440. (на якут. яз.)
- Өлбөт Бэргэн // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1908. Ч. 1, вып. 2. С. 113–147. (на якут. яз.)
- Өлүү Үөдүлбэ: олонхо // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1911. Ч. 1, вып. 5. С. 441–452. (на якут. яз.)
- Тон Саар бухатыыр: олонхо / С. Н. Каратаев. Якутск: Бичик, 2004. 237 с. (на якут. яз.)
- Төрүөт Бэргэн: олонхо / Н. П. Старостин. Нөөрүктээйи: Якутский край, 2013. 160 с. (на якут. яз.)
- Удаҕаттар Уолумар Айгыр икки: олонхо // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1908. Ч. 1, вып. 2. С. 148–194. (на якут. яз.)
- Үрүн Айыы Тойон ыччаттара: олонхо // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1911. Ч. 1, вып. 5. С. 401–426. (на якут. яз.)
- Хотугу сахалар олонхолоро: олонхо / Подгот. С. Д. Мухоплева, Н. В. Павлова. Якутск: Бичик, 2019. 301 с. (на якут. яз.)

Элик Боотур Ньыгыл Боотур икки, Р. Александров (Тимофеев). Боотурусский улус, Жулейский нас., 1896 г. // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1910. Ч. 1, вып. 4. С. 311–395. (на якут. яз.)

Эриэдэл Бэргэн // Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1911. Ч. 1, вып. 5. С. 473–474. (на якут. яз.)

Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten: Theil 1, Einleitung. Jakutischer Text. Jakutische Grammatik. St. Petersburg: Buchdr. der K. Akademie der Wissenschaften, 1851. LIV, 397 S.

ATU – Uther H.-J. The Types of International Folktales: In 3 vols. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.

References

Anisimov R. N. Sravnitel'nyy analiz epicheskikh antroponimov Vilyuyskoy traditsii [Comparative analysis of epic anthroponyms of Vilyuisky region]. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Series "Epic studies"*. 2016, no. 4, pp. 74–91. (in Russ.)

Bibliografiya olonkho. Metodicheskie rekomendatsii [Bibliography of Olonkho. Guidelines]. D. S. Makarov (Comp.). Yakutsk, YaSU, 1982, 67 p. (in Russ.)

Emel'yanov N. V. *Syuzhety yakutskikh olonkho* [Plots of the Yakut olonkho]. Moscow, Nauka, 1980, 375 p. (in Russ.)

Lebedev D. M., Esakov V. A. *Russkie geograficheskie otkrytiya i issledovaniya s drevneyshikh vremen do 1917 goda* [Russian geographical discoveries and research from ancient times to 1917]. Moscow, Mysl', 1971, 516 p. (in Russ.)

Mostakhov S. E. *Russkie puteshestvenniki-issledovateli Yakutii: 18 – nach. 20 v.* [Russian travelers-explorers of Yakutia: 18th – early 20th centuries]. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1982, 191 p. (in Russ.)

Pekarskiy E. K. Middendorf i ego yakutskie teksty [Middendorf and his Yakut texts]. In: *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1908, vol. 18, pp. 044–060. (in Russ.)

Yavlovskiy P. P. *Letopis' goroda Yakutsk ot osnovaniya do nastoyashchego vremeni (1632–1914)*. [Chronicle of the town of Yakutsk from its foundation to the present (1632–1914)]. Yakutsk, Yakutskiy kray Publ., 2004, vol. 2: 1801–1914, 352 p. (in Russ.)

List of sources and dictionaries

Ala Bulkun: yakutskoe olonkho. T. V. Zakharov. Yakutsk, Sakhapoligrafizdat, 1994, 101 p. (in Yakut).

Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog* [Thematic classification and distribution of folklore-mythological motifs by areal. Analytical catalog]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm> (accessed 02.01.2023).

Böhtlingk O. *Über die Sprache der Jakuten: Theil 1, Einleitung. Jakutischer Text. Jakutische Grammatik*. St. Petersburg, Buchdr. der K. Akademie der Wissenschaften, 1851, LIV, 397 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: V 15 t. [Big explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 volumes]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 8, 572 p.

Buduruibet suhuekhtekh Muld'u Bege: olonkho. I. A. Nikolaev. Yakutsk, Bichik, 2012, 253 p.

Dyyray Bergen: olonkho. U. G. Nokhsorov. Yakutsk, Bichik, 2009, 333 p. (in Yakut)

Elik Bootur N'ygyyl Bootur ikki: olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1910, pt. 1, iss. 4, pp. 311–395. (in Yakut)

Eriedel Bergen: olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1908, pt. 1, iss. 5, pp. 473–474. (in Yakut)

Istoricheskiy fol'klor evenkov. Skazaniya, predaniya [Historical folklore of the Evenks. Tales, legends]. G. M. Vasilevich (Comp.). Moscow, Leningrad, Nauka, 1966, 399 p. (in Evenki and Russ.)

Khotugu sakhalar olonkholoro: olonkho. [Epic tales of Northern Yakuts]. S. D. Mukhopleva, N. V. Pavlova (Comps.). Yakutsk, Bichik, 2019, 301 p. (in Yakut)

Kuldus Bege: olonkho. I. M. Kharitonov. Yakutsk, Bichik, 2009, 195 p. (in Yakut).

Kulkul Beghe ogonn'or Silirikeen emeekhsin ikki. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1911, pt. 1, iss. 3, pp. 195–280. (in Yakut)

Kulun Kullustuur: olonkho. I. G. Timofeev-Teploukhov. E. K. Pekarskiy, G. U. Ergis (Comps). Moscow, Nauka, 1985, 605 p. (in Yakut and Russ.)

Kyys Debiliye: olonkho. N. P. Burnashev. Novosibirsk, Nauka, 1993, 326 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]) (in Yakut and Russ.)

Middendorf A. F. *Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. V 2 ch.* [Journey to the North and East of Siberia. In 2 pts.]. St. Petersburg, 1878, vol. 4: Sever i vostok Sibiri v estestvenno-nauchnom osveshchenii. Korennye zhiteli Sibiri [North and East of Siberia in natural science coverage. Indigenous people of Siberia], pp. 571–833. (in Russ.).

Mugulu Bege: Olonkho. G. M. Tarasov. In: *Gornay olonkholoro* [Epic tales of Gornyi district]. Yakutsk, Bichik, 2010, pp. 15–150. (in Yakut)

Nyurgun Bootur Stremitel'nyy: Olonkho. K. G. Orosin. Yakutsk, YakGIZ, 1947, 410 p. (in Yakut and Russ.)

Ogo Tulaayakh: Olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1911, pt. 1, iss. 5, pp. 427–440. (in Yakut)

Olbet Bergen: Olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1908, pt. 1, iss. 2, pp. 113–147. (in Yakut)

Oluu Uedulbe: Olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarsky]. St. Petersburg, 1911, pt. 1, iss. 5, pp. 441–452. (in Yakut)

Sbornik materialov po evenkiyskomu (tunguskomu) fol'kloru [Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore]. G. M. Vasilevich (Comp.). Leningrad, Izd. INS TsIK SSSR, 1936, iss. 1, 290 p. (in Evenki and Russ.)

Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language]. E. K. Pekarskiy (Comp.). 2nd ed. Moscow, AN SSSR, 1958–1959, vols. 1–3, 3858 cols.

Tong Saar Bukhatyyr: Olonkho. S. N. Karataev. Yakutsk, Bichik, 2004, 237 p. (in Yakut)

Toryot Bergen: olonkho. N. P. Starostin. Neerukteeyi, Yakutskiy kray, 2013, 160 p. (in Yakut)

Udaghattar Uolumar Aygyr ikki: olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarskiy]. St. Petersburg, 1908, pt. 1, iss. 2, pp. 148–194. (in Yakut)

Urung Aiy Toyon ychchattara: olonkho. In: *Obraztsy narodnoy literatury yakutov, sobrannye E. K. Pekarskim* [Samples of Yakut folk literature collected by E. K. Pekarskiy]. St. Petersburg, 1911, pt. 1, iss. 5, pp. 401–426. (in Yakut)

Uther H.-J. *The Types of International Folktales: In 3 vols.* Helsinki, Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.

Yakutskie skazki [Yakut folktales]. G. U. Ergis (Comp.). Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1964, vol. 1. 304 p.; 1967, vol. 2. 281 p. (in Yakut and Russ.)

Информация об авторе

Семен Семенович Макаров, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

Scopus Author ID 57203182372

RSCI Author ID 877161

Information about the author

Semen S. Makarov, Candidate of Philology, Senior Researcher at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Scopus Author ID 57203182372

RSCI Author ID 877161

Статья поступила в редакцию 24.01.2023;

одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 21.03.2023

The article was submitted on 24.01.2023;

approved after reviewing on 21.03.2023; accepted for publication on 21.03.2023